

Х.А.Эрамжян

Рафаэль Ландивар: античность, возрожденная в Гватемале

Статья посвящена «отцу» гватемальской художественной литературы Рафаэлю Ландивару, практически неизвестному российскому читателю. Ландивар прославился как автор дидактической поэмы на латинском языке «*Rusticatio Mexicana*», в которой в панегирическом ключе отражены реалии Нового Света. Поэма являет собой яркий и необычный пример сочетания античной и латиноамериканской культурных традиций. В произведении Ландивара обнаруживаются многочисленные переключки с текстами из классической римской литературы. Ландивар использует два типа заимствований — прямое и косвенное. Первые заставляют читателя вспомнить тот или иной эпизод из античной литературы, а вторые проецируют глубинные идеи этих произведений на сюжет «*Rusticatio Mexicana*». Исследование заимствований позволяет оценить роль античной традиции в формировании литературы Латинской Америки.

Ключевые слова: античность, латинский язык, дидактическая поэма, колониальная литература, иезуиты.

Гватемальский поэт Рафаэль Ландивар (1731—1793) широко известен в Латинской Америке, особенно у себя на родине и в Мексике. Но в российской латиноамериканистике о нем мало кто знает: о поэте по необходимости кратко написано в первом томе «Истории литератур Латинской Америки»¹. Его поэма «*Rusticatio Mexicana*», сочиненная на латыни, стала объектом исследования ряда латиноамериканских ученых, которые видели в ней стремление к познанию своих индейских и европейских культурных корней. Ландивар стал заметной фигурой латиноамериканской колониальной литературы и одновременно считается одним из лучших «новолатинских авторов» — так называют литераторов Нового времени, писавших на латинском языке. По словам гватемальского писателя и критика литературы Марио Альберто Карреры (1945 г. р.), Ландивар хоть и писал на латыни, но оказался самым национальным из всех тогдашних поэтов Нового Света, так как впервые стал рассказывать о системе ценностей простого латиноамериканского человека². Если же говорить о гватемальской литературной

Христофор Андреевич Эрамжян — магистрант первого года обучения. Классическое отделение филологического факультета МГУ (crisobal.colon701@gmail.com).

традиции, то следует отметить, что поэт создал первое крупное произведение в художественном жанре (предшествующие сочинения относились к историческому и документальным жанрам), и потому его по праву можно назвать отцом художественной литературы Гватемалы.

Рафаэль Ландивар родился 27 октября 1731 г. в столице колониальной Гватемалы, городе Сантьяго-делос-Кабальерос, больше известном как Антигуа Гуатемала. Ландивар вырос в зажиточной семье, ведущей свой род от конкистадора Берналя Диаса дель Кастильо — автора замечательной хроники «Подлинная история завоевания Новой Испании» (полностью издана в 1904 г.). Будущий поэт начал свое образование в возрасте одиннадцати лет в Гватемале в колледже «Сан-Борха», в 1744 г. поступил в епископский университет «Сан-Карлос» и через два года, когда ему не было еще и пятнадцати, получил степень бакалавра философии. Немногом позже, в мае 1747 г., он был удостоен степени лиценциата и магистра философии. В 1749 г. Ландивар переехал в Мексику, чтобы вступить в Орден иезуитов, и в 1755 г. стал священником. По возвращении в Гватемалу был назначен ректором колледжа «Сан-Борха».

Рафаэль Ландивар

В 1767 г. иезуиты были изгнаны из испанских колоний Америки. Ландивар сначала перебрался в Мексику, а позже уехал в Италию и обосновался в Болонье, где вступил в иезуитский колледж «Ла Сапиенса». Он умер 27 сентября 1793 г. в Болонье и похоронен там же, в церкви Санта Мария деле Мурателле. В 1950 г. его останки перенесены на родину, где он был упокоен в мавзолее в столице страны. В 1955 г. в Гватемалу возвратились иезуиты, и спустя год благодаря содействию католической церкви и ордена они основали университет имени Ландивара.

Ландивар прославился, прежде всего, поэмой «*Rusticatio Mexicana*», ее полное название — «*Rusticatio Mexicana, seu rariora quaedam ex agris Mexicanis decerpta*» («Сельская жизнь в Мексике, или самое редкое, что собрано на мексиканских полях»). Помимо «*Rusticatio Mexicana*» Ландивар написал «*Funebris Declamatio pro Justis*» — речь на смерть покровителя иезуитского ордена, епископа Франсиско Фигеро-и-Виктория, которую он произнес в Мексике в 1766 г., а также оду на латинском языке в честь Девы Марии и сонет на испанском языке.

«*Rusticatio Mexicana*» относится к жанру дидактической поэмы, который вместе с эпическим занимал одно из наиболее почетных мест среди поэтических жанров. Одними из первых дидактических поэм можно назвать «Труды и дни» Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.), «Явления» Арата — греческого поэта III—II вв. до н. э., и, наконец, хорошо известные «Георгики» (29 г. до н. э.) одного из величайших поэтов Древнего Рима Вергилия. Этот жанр неоднократно воспроизводится и в новолатинской литературе,

которая была ориентирована на античные образцы. В XVI в. во Франции и в Италии под влиянием Вергилия наблюдается расцвет дидактической поэзии, которая посвящается преимущественно земледелию и садам. Но своей популярностью этот жанр обязан прежде всего тому, что интерес к такого рода поэзии пробудился среди иезуитов XVII—XVIII вв. отчасти благодаря основной идеологии их ордена, уделявшего повышенное внимание педагогике³.

Ландивар по ряду веских причин создал поэму не на испанском, а с применением гекзаметра на латинском языке, на котором творили многие гуманисты. Прежде всего само по себе обращение к почтенной античной традиции было продиктовано стремлением возвысить предмет изображения: автор как бы хочет сказать, что реальность Нового Света достойна быть воспетой по классическим образцам. Кроме того, Ландивар безусловно ориентировался на широкого европейского читателя, а в те времена латынь была лингва франка в Европе и языком образования, тогда как испанский знали сравнительно немногие. Поэтому поэт мог с большей уверенностью рассчитывать, что произведение на латыни станет известным во многих странах большому количеству образованных читателей. Наконец, он хотел воспроизвести жанр античной дидактической поэмы, которая может быть написана только гекзаметром, а испанский язык не очень хорошо ложится в гекзаметрические стопы.

Поэма состоит из пятнадцати частей, названных по традиции античного эпоса книгами (*libri*), и начального приветствия «*Urbis Guatimalae*» (городу Гватемале), написанного элегическим дистихом (чередование гекзаметрической и пентаметрической строки), а также дополнения под названием «*Cruх Tepicensis*» (крест из Тепика).

Рафаэль Ландивар писал поэму, находясь в изгнании в Болонье. «*Rusticatio Mexicana*» — это своего рода урок любви к отчизне. Тоска по родине побудила поэта воспеть в стихах североамериканский континент и возвысить его в глазах европейского читателя. Каждая песня представляет собой панегирик Новому Свету. Цель Ландивара — не только его возвысить, но и создать некий источник информации и путеводитель по Мексике для европейцев, у которых на тот момент были весьма смутные представления о континенте. Нужно отметить, что Ландивар, говоря о Мексике, имел в виду не нынешнее государство, а вице-королевство Новая Испания, в состав которого входила также и Гватемала. Поэма посвящена прежде всего описанию географии, флоры и фауны Новой Испании, восхвалению достоинств Нового Света; кроме того, значительное внимание автор уделяет скотоводству и земледелию, рассказывает об основных способах охотничьего промысла. Поэтому многие называют Ландивара американским Вергилием, перенесшим за океан идею «Георгик». Даже один из переводов на испанский, выполненный мексиканским священнослужителем и писателем Федерико Эскобедо Тиноко (1874—1945), называется «*Geórgicas Mexicanas*». Некоторые ученые находят у Ландивара и отголоски поэмы «*Rusticus*» («Сельская»), написанной в эпоху Возрождения (вторая половина XV в.) итальянцем Анджело Полициано.

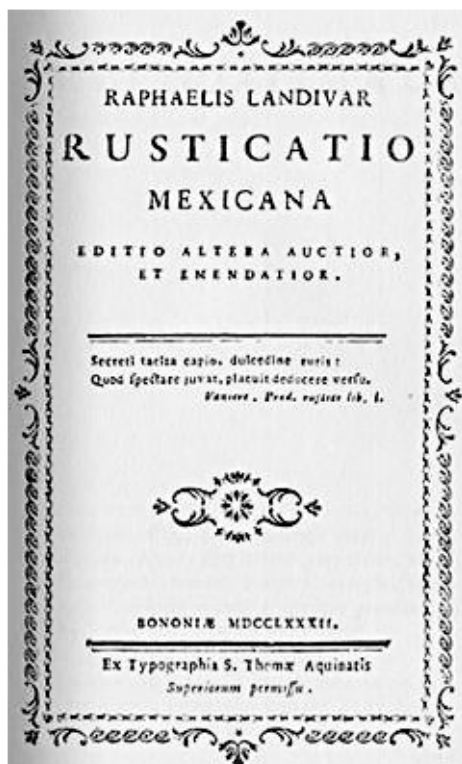
Несомненно, при создании «*Rusticatio Mexicana*» Ландивар отчасти опирался и на эпическую поэму «*Grandeza Mexicana*» («Величие Мексики», опубликована в 1604 г.), написанную на испанском языке Бернардо де

Бальбуэной*, которая также в панегирическом тоне представляет Америку глазами американца. Как и Бальбуэна, Ландивар чередует возвышенно-поэтические эпизоды с географическими описаниями и рассказами о том, как веками развивались в Новом Свете скотоводство, земледелие и прочие отрасли, что делает труд Ландивара ценным историческим свидетельством крестьянского труда и быта. Основным интерес для него представляли именно простые люди — индейцы, негры, крестьяне и рудокопы, а главным героем его поэмы становится *homo rusticus*, сельский житель, который упорным трудом преобразует девственную дикую американскую природу из состояния первородного хаоса к цивилизованной упорядоченности. Это и отличает, по словам гватемальского исследователя Хосе Маты Гавидии, поэму Ландивара от «Георгик» Вергилия: если последний писал, каким должен быть идеальный римлянин, то Ландивар писал не об идеальном латиноамериканском крестьянине, а о таком, каков из себя этот крестьянин на самом деле⁴.

Особое внимание стоит уделить влиянию утопических идей в поэме Ландивара. Неслучаен, кстати, тот факт, что и «Утопия» Томаса Мора, и «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона располагались в Новом Свете, который воспринимался как земля без истории, не отягощенная пороками цивилизации. Неслучайно и то, что первый широкомасштабный утопический (можно сказать и социалистический) эксперимент успешно провели в Новом Свете иезуиты, которые по договору с испанским королем от 1607 г. получили под свой протекторат обширные земли, населенные индейцами гуарани (часть земель нынешних Аргентины, Бразилии и Парагвая), где создали 33 иезуитских редукций (поселений), организованных на коммунистических принципах. Отчетливое выражение утопические проекты получили в шестой книге «*Rusticatio Mexicana*», где Ландивар повествует о жизни бобров, организовавших «лесную республику» — прообраз утопического государства. Как пишет отечественный литературовед-латиноамериканист Вера Николаевна Кутейщикова, «Лесная республика» бобров (выражение Ландивара) — это едва ли не идеальное общество, в котором интересы каждого отдельного существа неразрывно связаны с интересами коллектива. При том, что жизнь бобров изображена с присущей Ландивару достоверностью, картина в целом выглядит некоей моделью государства, в описании которого причудливо сочетаются элементы социальных и христианско-эгалитарных утопий»⁵.

В поэме Ландивара очень ярко отразилась специфическая типология латиноамериканской культуры, которая в процессе своего формирования опиралась на европейские модели, переиначивая их и наполняя новым содержанием. Ландивар в «*Rusticatio Mexicana*» открыто использует античную традицию и как бы налагает ее на реалии Нового Света, в результате чего возникает весьма причудливый культурный симбиоз (по терминологии российского исследователя-латиноамериканиста Якова Георгиевича Шемякина). Речь идет не только об использовании античного жанра с его тематикой и принципами композиции, о чем говорилось ранее, но также о

* Бернардо де Бальбуэна (1561(?)—1627) — испанский священнослужитель и поэт, епископ Ямайки, затем Пуэрто-Рико.

текстовых заимствованиях. В «Rusticatio Mexicana» очень много буквальных заимствований из античных текстов, когда строка или словосочетание из какого-нибудь римского классика просто копируется без изменений или с заменой одного слова на другое. Применяя такие буквальные заимствования, не скрывая, а, напротив, подчеркивая их, Ландивар стремится напомнить образованному читателю определенный эпизод из римской классической литературы. Но есть в поэме и более глубокий и сложный тип заимствования, который трудно распознать с первого взгляда. В таких случаях автор не просто обращает внимание читателя на тот или иной фрагмент античного произведения, но переносит глубинную идею этого произведения на определенный сюжет из «Rusticatio Mexicana». В неявных заимствованиях Ландивар чаще всего использует прием *va-riatio*, когда

он оставляет ударное слово в той же метрической позиции, а остальные слова заменяет на другие, сохраняя их в той же грамматической форме и метрической позиции. В качестве примера обоих типов заимствований будут рассмотрены два пассажа из первой книги «Rusticatio Mexicana», где Ландивар представляет читателю город Мехико и рассказывает о двух озерах, окружающих столицу. В первом фрагменте есть пример буквального, а во втором — неявного заимствования.

Vrbs erat occiduis procul hinc notissima terris
Mexicus, ampla, frequensque uiris, opibusque superba,
 indigenis quondam **multos dominata per annos**:
 nunc uero Hispani, populis Mauorte subactis,
 sceptrum tenent, summaque urbem ditione gubernant
 (Land. R-M, I, 32-36)*

Град на берегах, с коих дует Зефир, возвышался преславный,
 Мехико пышный, мужами богатый и силы исполнен,
 Множество лет и веков населеньем индейским правимый;
 Ныне же ликторы подле гишпанцев там восседают,
 Кои индейцев себе подчинили Марсовой силой.**

* Здесь и далее оригинальный текст Ландивара цитируется по изданию: F. Chamorro González. Rafael Landívar Rusticatio Mexicana: Introducción, texto crítico, y traducción rítmica español. Guatemala, 2001.

** Гекзаметрический перевод Rusticatio Mexicana выполнен автором статьи.

Как правило устойчивые формулы и выражения встречаются в начале и в конце строк. Первая строка начинается со слов *Urbs erat*. Похожим образом начинается один из эпизодов первой книги «Энеиды»:

Vrbs antiqua fuit (*Tyrīi tenuere coloni*)
Karthago, Italiam contra Tiberinaque longe
(*Ver. Aen. I, 12-13*)*

Город древний стоял — в нем из Тира выходцы жили,
Звался он Карфаген — вдалеке от Тибрского устья... **

Обе пары стихов представляют собой одинаковую синтаксическую и метрическую структуру: *Urbs erat*/ *Mexicus* и *Urbs ... fuit*.../ *Karthago*. Таким образом, Ландивар здесь отсылает к эпизоду из первой книги «Энеиды» — своего рода визитной карточки всей классической римской литературы, — где Вергилий спрашивает у музы, за что Юнона гневается на Энея, беженца из Трои, и сам же начинает рассказывать о Карфагене, который Юнона очень любила и которому по вине троянского рода придется погибнуть. И Мехико (бывший ацтекский Теночтитлан, основанный в 1325 г.), и Карфаген — древние города, и с приходом чужеземцев (в случае Мехико это испанцы), судьба этих городов радикально меняется. С этими двумя городами Ландивар соотносит также Троию, почти буквально цитируя словосочетание Вергилия «*multos dominata per annos*» («управляемый много лет») из второй книги «Энеиды», когда Эней рассказывает Дидоне о своих злоключениях:

quis cladem illius noctis, quis funera fando
explicet aut possit lacrimis aequare labores?
urbs antiqua ruit multos dominata per annos
(*Ver. Aen. I, 361-363*)

Кто о кровавой резне той ночи страшной расскажет?
Хватит ли смертному слез, чтобы наши страдания оплакать?
Древний рушится град, царивший долгие годы.

Здесь речь идет о Трое, тоже древнем городе, который, как Мехико и Карфаген, был разрушен чужеземцами. Так Ландивар как бы уравнивает на ценностной шкале Мехико с двумя знаменитыми городами античности. Рассмотрим второй фрагмент.

Plures hanc uitreo circumdant fonte lacunae,
quae blando paruas allectant gurgite puppes.
Non tamen has omnes mens est celebrare canendo:
nam quae sepositae prospectant longius urbem,

* Здесь и далее оригинальные тексты Вергилия цитируются по изданию: Vergil. *Bucolics, Aeneid, and Georgics* Of Vergil. J. B. Greenough. Boston. Ginn & Co. 1900.

** Здесь и далее перевод С. А. Ошеровой под редакцией А. Ф. Петровского.

flumine nec tanto turgent, quod fama frequentet,
nec nitidos squama pisces. florumque natantes
areolas, anatumque, uadis examina pascunt.
(Land. R-M, I, 37-43).

Много озер из кристальной воды, что сладким течением
Манит суда на просторы свои, окружают наш Город.
Все те озера прославить, воспев их, во мне нет желанья:
Ибо они, отстраненные, издали смотрят на Город,
Водами не изобильны так, как молва нам вещала;
Рыб, что блистают своей чешуею, плавающие клумбы,
На мелководье утиную стаю они не питают.

В стихе «nam quae sepositae prospectant longius urbem» — «Ибо они, сокрыты вдали, перед Градом открылись» — напрашивается параллель со второй поэмой из пятой книги «Сильв» Стация*.

Sed quis ab excelsis Troianae collibus Albae,
unde suae iuxta prospectat moenia Romae
proximus ille deus, fama velocior intrat
nuntius atque tuos implet, Crispine, penates?
(Stat. Silv. V, 2, 168-171)

Подстрочник:

«Но какой вестник с высоких холмов Троянской Альбы,
откуда бог на очень близком расстоянии просматривает стены Рима,
появляется быстрее молвы
и становится одним из домашних божеств?»**

Ландивар, по-видимому, заимствует словосочетание *prospectat moenia Romae* («просматривает стены Рима»), далее с помощью приема *variatio* изменяет на словосочетание *prospectant longius urbem* и, поставив его в аналогичную метрическую позицию, метафорически представляет озера в образе стен, которые прочно защищают Мехико. Как известно, ацтекский Теночтитлан располагался на двух островах озера Тескоко, соединенных с материком тремя дамбами с разводными мостами. Стоило их развести, и город становился неприступным — воды озера охраняли его лучше стен. Именно это имеет в виду Ландивар, что подтверждает 55-я строка: *Nam licet angustis geminae loca tuta carini / exhibcant, seruentque altis pro moenibus urbem* — «Пусть же Озера суденышкам тесным пристанищем станут / И охранять будут Град, словно стены из твердого камня». Как видно, и в этом стихе, слово *urbem* (город) стоит в той же метрической позиции, как и в вышеприведенном отрывке поэмы, а слово *moenia* (стены) находится в том же месте, что у Стация.

* Стаций — римский поэт, живший в 1 в. н. э. (40—96 гг.), автор эпических поэм «Ахиллеида», «Фиваида» и сборника стихотворений «на случай» «Сильвы».

** Поэтического перевода «Сильв» Стация на русский язык нет.

И завершить наши доказательства того, что это неявное заимствование, можно тем, что у Ландивара слово «*urbe*» (имеется в виду Мехико) в тех отрывках, которые процитированы в данной статье, стоит в той же метрической позиции, что «*Roma*» у Стация. Впрочем, это отнюдь не значит, что Ландивар напрямую ассоциирует Мехико с Римом, так как было бы странно с его стороны сначала, в первом из приведенных фрагментов, сравнивать Мехико с Карфагеном, а потом — с его разрушителем Римом. Возможно, поэт хотел показать, что для жителей североамериканского континента Мехико играл такую же главенствующую роль, как Рим для жителей Римской империи.

Только в первой книге «*Rusticatio Mexicana*» автор статьи обнаружил несколько десятков прямых и косвенных отсылок к античным авторам, среди которых, помимо упомянутых, фигурируют также римский поэт Марк Валерий Марциал (около 40 г. — 104 г.), которому мы обязаны прежде всего таким жанром, как эпиграмма, и Публий Овидий Назон (43 г. до н.э. — 18 г. н.э.) — римский поэт, один из классиков римской литературы Золотого века наряду с Вергилием и Горацием. Самое знаменитое его произведение — «*Метаморфозы*» — эпическая поэма в 15 книгах, посвященная сюжетам античной мифологии.

Эти отсылки в совокупности создают античную ауру, как бы обволакивающую реалии Нового Света. Тем самым Ландивар утверждает неразрывную связь пространств и времен и всеединство культуры. В этом также можно усмотреть прозрение и утверждение важнейшего свойства латиноамериканской культуры — органически присущий ей универсализм, благодаря которому и оказывается возможным сплав античного, испанского, западноевропейского и индейского культурных наследий. Такое видение Америки формируется в постоянном напряженном противоборстве между мифологическим прошлым — Золотым Веком индейской и античной культур — и утопическим будущим континента, когда в полной мере выявятся его природные, человеческие и культурные потенциалы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ История литератур Латинской Америки, том 1. М., Наука, 1985, с. 572—573 [Istoriya literatur Latinskoy Ameriki [The history of the literature of Latin America]. Moscow, Nauka, 1985, t. 1, p. 572—573.

² M.A. C a r r e r a. Biografías de siete grandes escritores guatemaltecos. Guatemala, Artemis Edinter, 2004, p. 15.

³ M.A. S u á r e z. El Didactismo Landivariano: tradición clásica, identidad cultural e ideología jesuítica en la Rusticatio Mexicana. — Nova tellus: Anuario del Centro de Estudios Clásicos, p. 188.

⁴ A.L. a i r d. Poetic significance and design of the Rusticatio Mexicana, 2005, p. 203 — The Epic of America. An Introduction to Rafael Landívar and the Rusticatio Mexicana.

⁵ История литератур Латинской Америки, с. 573.

Khristofor Eramzhan (cristobal.colon701@gmail.com)

First-year student (Master's). MSU, the Faculty of Philology, the Department of the Classical Studies.

Rafael Landivar: Antiquity revived in Guatemala

Abstract. The article is devoted to the "father" of the Guatemalan literature Rafael Landivar, the author of the didactic poem in Latin "Rusticatio Mexicana". The poem presents a vivid and unusual example of a combination of Latin American and Antique classical traditions. It reflected realities of the New World described in panegyric way. There are numerous borrowings in the poem from the texts of classical Roman literature. Landivar used two types of borrowings: direct and indirect. Direct borrowings came back to a particular episode from ancient literature and indirect ones projected deep underlying ideas of the Roman texts on the plot of "Rusticatio Mexicana". The study of these borrowings makes possible to evaluate the significance of ancient classical tradition in the formation of the Latin American culture.

Key words: Antiquity, Latin, didactic poem, Guatemala, colonial literature, the Jesuits, Mexico.